

На правах рукописи

НАУМОВ Клим Дмитриевич

**КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ МИРА
НА ОСНОВЕ САКРАЛЬНЫХ ОБРАЗОВ
(на материале русской и польской идиоматики)**

10.02.19 – теория языка

автореферат
диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Саратов – 2013

Работа выполнена на кафедре теории, истории языка и прикладной лингвистики ФГБОУ ВПО «Саратовский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского».

Научный руководитель: доктор филологических наук, профессор
Балашова Любовь Викторовна

Официальные оппоненты: доктор филологических наук, профессор
кафедры английского языка,
теоретической и прикладной лингвистики
ФГБОУ ВПО «Саратовская
государственная юридическая академия»
Елина Евгения Аркадьевна

кандидат филологических наук, доцент,
зав. кафедрой переводоведения и
межкультурной коммуникации
ФГБОУ ВПО «Саратовский
государственный социально-
экономический университет»
Тимофеева Надежда Павловна

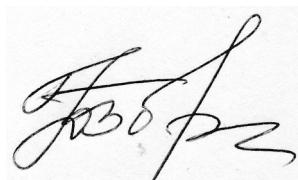
Ведущая организация: ФГАОУ ВПО «Казанский (Приволжский)
федеральный университет»

Защита состоится: «__» _____ 2013 г. в _____ час. на заседании диссертационного совета Д 212.243.02 на базе ФГБОУ ВПО «Саратовский государственный университет им. Н.Г. Чернышевского» (410012, г. Саратов, ул. Астраханская, 83) в XI корпусе.

С диссертацией можно ознакомиться в Зональной научной библиотеке ФГБОУ ВПО «Саратовский государственный университет им. Н.Г. Чернышевского».

Автореферат разослан «__» _____ 2013 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета

Ю.Н. Борисов

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Объект исследования – фразеологические единицы (далее ФЕ), содержащиеся во внутренней форме члены тематического макрополя «Религия и мифология», или сакрального фразеосемантического макрополя (далее СФМ), в русском и польском языках. К сакральным (от лат. *sacrum* – священное, посвященное богам) относились религиозные, мифологические, суеверные представления о Божественном, потустороннем, иррациональном, мистическом, отличающемся от обыденных вещей, понятий, а также связанные с такими представлениями элементы культов, обрядов, ритуалов.

Предмет исследования – принципы формирования семантики, структурирования и функционирования фразеологических единиц, объединенных тематической общностью их внутренней формы.

Актуальность работы обусловлена следующими причинами. Не до конца проясненными остаются такие общетеоретические вопросы, как сущностные характеристики ФЕ и их место в системе языка; специфика семантики ФЕ и значимость внутренней формы в ее формировании (Н.Ф. Алефиренко; А.Н. Баранов, Д.О. Добровольский; В.Н. Телия; D. Crystal; C. Fernando; W. Fleischer). Антропологический подход к языку, обусловивший активное исследование концептуализации как процесса установления онтологических, сущностных (с точки зрения носителя языка) представлений об именуемых объектах действительности и языковой картины мира (далее ЯКМ), вызвал дискуссию о принципах организации, этноспецифичности ЯКМ и особенно о месте в ней ФЕ (Ю.Д. Апресян; А.М. Бабкин; А. Вежбицкая; Анна А. Зализняк; О.А. Корнилов; О.С. Лещинская; Ж.Н. Макушева; С.М. Толстая; Н.Ю. Тразанова; J. Bartmiński; R. Grzegorzycykowa). Поэтому комплексный (семантический и лингвокогнитивный) анализ русских и польских ФЕ, сформированных на базе одной из наиболее концептуально значимых тематических областей – сакральной, несомненно, способствует прояснению этих теоретически значимых проблем.

Цель исследования – выявить общее и специфическое в концептуализации мира на основе сакральных образов в идиоматике родственных языков, носители которых принадлежат к разным направлениям христианства.

Для достижения этой цели необходимо решить следующие **задачи**:

- 1) Установить состав русских и польских ФЕ, содержащих во внутренней форме сакральные образы;
- 2) Проанализировать внутреннюю форму и семантику русских и польских ФЕ, содержащих в своем составе лексику ФСМ;
- 3) Выделить принципы концептуализации мира на основе сакральных образов в идиоматике исследуемых языков;
- 4) Установить экстралингвистические и собственно лингвистические факторы, которые обуславливают принципы концептуализации мира на основе сакральных образов в русском и польском языках;
- 5) Выявить специфику функционирования исследуемых русских ФЕ в современной речи (на материале российских газетных СМИ начала XXI в.).

Методологической базой исследования является положение о диалектической связи и взаимообусловленности языковых, когнитивных и культурологических процессов. Цель и задачи исследования определяют использование комплексной **методики** анализа материала, включая современные методы системного сопоставительного анализа языковых явлений, различные лингвокогнитивные методики анализа языка и речи.

Материалом для исследования послужили данные фразеологических, толковых, семантических словарей русского и польского языков; выборки из газетного подкорпуса Национального корпуса русского языка (далее ГП НКРЯ) за 2002 – 2013 гг. Общий объем материала исследования составил 1021 русских ФЕ и 1089 польских ФЕ.

Научная новизна работы состоит в том, что впервые выделены и комплексно (в лингвистическом, когнитивном и культурологическом аспектах) проанализировано русское и польское сакральное фразеосемантическое макрополе; выявлена специфика функционирования исследуемых русских ФЕ в современных российских газетных СМИ.

Основные положения, выносимые на защиту:

1. Сакральные феномены – активный источник формирования русской и польской идиоматики. Образованное на их базе многочисленное и сложно организованное СФМ объективно отражает то место, что занимают различные религиозные и мифологические системы в культурно-идеологическом развитии русского и польского этносов. Ядро СМП составляет самое многочисленное фразеосемантическое поле (далее ФП) «Христианство», единственное, в котором сакральная система представлена достаточно полно и последовательно. Околоядерную зону образует ФП «Славянское язычество» (второе по числу членов). В ближнюю периферию входит ФП «Античная мифология», формируемое под западноевропейским культурным влиянием в Новое время. Славянские языческие и античные сакральные системы отражены в идиоматиках регулярно, но фрагментарно и не всегда последовательно (особенно античная мифология). Дальнюю периферию макрополя составляют единичные русские и польские ФЕ, фиксирующие отдельные (внесистемные) феномены из мусульманства и буддизма.

2. Структуре основных ФП («Христианство», «Славянское язычество», «Античная мифология») присущ изоморфизм: в каждом (с разной регулярностью) выделяются фразеосемантические группы, связанные с номинацией сакральных сил и пространства, сакральных догматов и культа. Поля не только противопоставлены, но и взаимосвязаны, подчас синкретичны: внутренняя форма многих ФЕ может быть интерпретирована в рамках разных сакральных систем. Это вызвано частичной концептуальной общностью различных сакральных систем, а также сложностью процесса их культурно-исторического освоения русским и польским этносами.

3. В конкретном составе, в степени регулярности использования отдельных сакральных сюжетов и образов, в структуризации полей русская и польская идиоматики есть определенные различия (особенно в околоядерной зоне и на периферии), что отражает особенности развития двух культур и двух языков.

Но основной принцип формирования ФЕ на базе сакральных представлений является для этих систем единым.

4. Характерная особенность членов русского и польского СФМ – разнообразие выражаемых ими значений. Но семантика членов макрополя отмечена исключительным антропоцентризмом: (1) ведущее положение в обеих идиоматиках занимает сфера «Человек» – с особым вниманием к экспрессивной характеристике личностных, нравственно-этических, эмоциональных аспектов человеческого бытия; (2) предметные реалии и абстрактные категории характеризуются с антропоцентрической точки зрения. Данное свойство, присущее идиоматике в целом, усиливается включением во внутреннюю форму ФЕ именно сакральных феноменов, что обуславливает выход на первый план мировоззренческих категорий, ядро которых составляет метафизическое восприятие бытия человека.

5. Формирование значений русских и польских ФЕ в большинстве случаев связано с двумя принципами концептуального осмысления сакрального содержания их внутренней формы: (1) оценочная (позитивная или негативная) характеристика чего-либо, обусловленная отношением к высшим (божественным) и низшим (темным) сакральным силам; (2) экспрессивная характеристика реалий на базе метонимической, метафорической связи с сакральными феноменами (символическими характеристиками и прецедентными сюжетами). Но в основе семантики ФЕ могут также лежать языковые (прямые и переносные) значения входящих во внутреннюю форму слов, формируемые на базе объективных (а не только сакральных) денотативных, сигнификативных и прагматических признаков. Тем самым СМК включается в общую систему формирования лексики.

6. В русской и польской ЯКМ, несмотря на частные различия, сакральные ФЕ наиболее последовательно (но не абсолютно) выражают концептуальные представления, основанные на: (1) глобальном фатализме (сакральное начало предопределяет все аспекты бытия); (2) дискретности личности (физиология, эмоции, интеллект, поступки могут существовать отдельно от человека и даже вопреки его воле). Это не отменяет самоидентификации личности (особенно в плане выбора жизненной позиции). В данной системе одобряется стоическое принятие всего, что посылается высшими сакральными силами, и активное противодействие низшим. Концептуальное единство связано с экстралингвистическими факторами (единые языческие представления; христианство как ведущая религиозная конфессия; ориентация на общеевропейскую культурную традицию), а также с собственно лингвистическими факторами (единство концептуальных моделей формирования значений).

7. Члены СФМ активно используются в российских газетных масс-медиа начала XXI в., что является свидетельством общей актуальности данного макрополя в языке. На частотность сакральных ФЕ в СМИ влияют три взаимосвязанных фактора: степень прозрачности внутренней формы, дискурсивно-стилистическая характеристика, семантика ФЕ. Бóльшей регулярностью обычно отмечены ФЕ, у которых: (1) мотивация значения понятна среднему носителю языка; (2) дискурсивно-стилистические ограничения минимальны; (3) се-

мантика связана с экспрессивно-оценочной характеристикой человека и общества с идеологической, нравственно-этической точки зрения. Наиболее активно в прессе используют члены ФП «Христианство», что соответствует ядерному положению этого поля в языковом СФМ.

8. Система концептуальных представлений, присущих языковому СФМ, получает свое отражение в современных газетных текстах (более последовательно – среди членов ядерного ФП «Христианство»). Это проявляется в том, что авторы публикаций активно обыгрывают, актуализируют сакральную внутреннюю форму ФЕ, а главное, регулярно используют члены СФМ в концептуально-прагматической функции: современные социальные, идеологические, нравственно-этические и бытовые проблемы соотносятся и соизмеряются с бытием сакрального мира, чтобы нынешним проблемам: (1) придать вселенский масштаб и вневременной характер; (2) дать оценку с точки зрения сакральных догматов. Вместе с тем регулярные ошибки в употреблении сакральных ФЕ (непонимание внутренней формы, незнание семантики) свидетельствуют о частичном разрушении той сакральной картины мира, что отражена в языковом СФМ.

Теоретическая значимость работы заключается в том, что предпринятое исследование позволяет уточнить принципы концептуализации действительности с помощью идиоматики, роль внутренней формы в формировании семантики и структурировании фразеологии; установить систему семантических, когнитивных, культурологических факторов, обуславливающих специфику функционирования ФЕ в современной речи.

Практическая значимость работы заключается в том, что выводы и конкретный материал исследования могут быть использованы при чтении курсов по общему языкознанию, теории перевода, лингвокультурологии, в преподавании русского и польского языков как иностранных.

Структура работы. Диссертация состоит из введения, четырех глав, заключения, списка использованной литературы и приложения, включающего словарь исследованных русских и польских фразеологизмов.

Апробация работы. Основные положения и результаты исследования докладывались и обсуждались на 7 международных, всероссийских и межвузовских конференциях в Саратове, Санкт-Петербурге, Кемерово, Кирове, Екатеринбурге (2007–2013 гг.). По теме диссертации опубликовано 10 статей, в том числе 3 – в реферируемых изданиях.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **введении** определяются объект и предмет, цели и задачи работы; устанавливается актуальность исследования, его теоретическая и практическая значимость, методологические и теоретические основы; указывается эмпирическая и теоретическая база исследования, излагаются основные положения, выносимые на защиту.

В **главе 1 «Лингвокогнитивный и лингвокультурологический аспекты исследования фразеологии»** рассматриваются актуальные проблемы, свя-

занные с определением и спецификой значения ФЕ, с местом фразеологии в формировании и репрезентации ЯКМ.

В частности, дается анализ различных точек зрения (А.М. Бабкин, Ш. Балли, А.Н. Баранов, В.В. Виноградов, Д.О. Добровольский, А.В. Кунин, А.И. Смирницкий, R. Moon, A. Pawley, J. Syncler) на определение ФЕ. В данном исследовании мы опираемся не на «широкую» (И.Е. Аничков, В.Л. Архангельский, Л.Б. Савенкова, Н.Н. Семенов, И.И. Чернышева, Н.М. Шанский, D. Crystal, C. Fernando, H. Sweet), а на «узкую» интерпретацию ФЕ, в соответствии с которой фразеология (идиоматика) – это особая часть лексико-семантической системы языка, а ее единицам присущи такие характеристики, как: неоднословность (структурная расчлененность); устойчивость компонентного состава; воспроизводимость; идиоматичность; номинативность (В.П. Жуков, А.И. Молотков, В.Н. Телия; Н.П. Тимофеева).

В отличие от Н.Ф. Алефиренко, Л.Г. Золотых, В.М. Мокиенко, мы, как и А.Н. Баранов, Д.О. Добровольский, В.П. Жуков, А.И. Молотков, В.М. Савицкий, В.Н. Телия, А.Н. Тихонов, считаем, что степень немотивированности (идиоматичности) и экспрессивности разных ФЕ может быть различной. В соответствии с этим единицы идиоматики можно представить в виде поля, ядро которого составляют идиомы (фразеологические единства, сращения), где признаки ФЕ проявляются наиболее ярко, тогда как коллагии (фразеосочетания) и аналитические наименования составляют периферию.

Хотя идиоматика в узком смысле слова является частью лексико-семантической системы, мы критически относимся к точке зрения, согласно которой значение ФЕ принципиально не отличается от значения лексемы (О.С. Ахманова, Е.М. Верещагин, В.Г. Костомаров, А.М. Мелерович, А.И. Молотков, А.И. Смирницкий). Более аргументированной представляется позиция, согласно которой ФЕ представляют собой сложный вид языковых знаков, семантика которых отмечена мотивированностью, «полипризнаковостью», высокой прагматической значимостью, принципиальной нелинейностью структуры. Все типы информации в семантике ФЕ подобны «свернутому» тексту, который разворачивается благодаря когнитивным процедурам, осуществляемым при воспроизведении ФЕ (Н.Ф. Алефиренко, В.Л. Архангельский, Л.К. Байрамова, А.Н. Баранов, В.В. Виноградов, Д.Б. Гудков, В.П. Жуков, М.Л. Ковшова, В.Н. Телия, А.И. Федоров, М.С. Чернова).

Семантика идиоматики неотделима от ее когнитивного и культурологического потенциалов, то есть от места в формировании и выражении языковой картины мира. Из многочисленных определений ЯКМ (Ю.Д. Апресян, А. Вежбицка, Е.А. Елина, О.А. Корнилов, Н.С. Новикова, З.Д. Попова, В.И. Постовалова, И.А. Стернин, Н.П. Тимофеева, В.Н. Топоров, Т.В. Цивьян, Н.В. Черемисина, J. Bartmiński, T.P. Krzeszowski, S. Niebrzegowska) наиболее адекватным представляется следующее: это отраженная в семантическом пространстве языка совокупность преимущественно тривиальных представлений о мире. ЯКМ – принципиально сложное и многоаспектное явление, которое развивается в тесном взаимодействии с познанием, историей, культурой, но не тождественно им.

Современное интерпретирующее направление в исследовании идиоматики (историко-этимологический и синхронно-культурологический аспекты) базируется на восприятии ФЕ как «ниши» для кумуляции мировидения, связанной с материальной, социальной и духовной культурой языкового коллектива, с его культурно-национальным опытом, традициями (Н.Ф. Алефиренко, С.Г. Воркачев, И.Г. Гомонова, Д.О. Добровольский, А.А. Евдокимова, В.М. Мокиенко, М.И. Солнышкина, Н.И. Толстой, В.Н. Телия, W. Chlebda, M. Mazurkiewicz). Нам кажется некорректным выделение самостоятельной фразеологической КМ (А.П. Бабушкин, Т.М. Веренич, Т.Р. Зверева, Р.Х. Хайруллина), хотя мы признаем, что та часть картины, которая репрезентируется с помощью ФЕ, чрезвычайно когнитивно и культурологически значима.

В главе 2 «Типы сакральных представлений, отраженных в русской и польской идиоматике» дается анализ аспектов изучения сакральных представлений в лингвистике; регулярности использования в русской и польской идиоматике христианских, славянских языческих, античных, мусульманских, буддистских сакральных феноменов.

Сакральные представления в лингвистике исследуются в нескольких аспектах: этимология отдельных лексем и выражений, их функционирование в различных типах дискурса; концептуализация отдельных сакральных феноменов в ЯКМ (В.Е. Витковский, Н.А. Воробьева, В.Г. Гак, А.В. Григорьев, В.И. Коваль, Л.С. Ковтун, В.М. Мокиенко, Н.М. Орлова, Е.А. Семухина, Е.Е. Стефанский, Э.Н. Яковлева, J. Adamowski, M. Włóńska, S. Cieślak). Итоги таких исследований мы активно использовали в нашей работе.

По лексикографическим данным, сакральные феномены зафиксированы в 1021 русском и 1089 польских ФЕ (табл. 1):

Язык	Тип сакральных представлений				
	Христианство	Славянское язычество	Античные мифы	Мусульманство	Буддизм
Русский	632 ФЕ (61,9%)	215 ФЕ (21,06%)	164 ФЕ (16,06%)	7 ФЕ (0,69%)	3 ФЕ (0,29%)
Польский	711 ФЕ (65,29%)	218 ФЕ (20,02%)	156 ФЕ (14,33%)	1 ФЕ (0,09%)	3 ФЕ (0,28%)

На базе данных представлений формируется русское и польское СФМ, ядро которого составляет ФП «Христианство», околоядерную зону – ФП «Славянское язычество», ближнюю периферию – ФП «Античная мифология». На дальней периферии находятся единичные ФЕ из тематических областей «Мусульманство», «Буддизм», которые не образуют более или менее четкой микро-системы (*отправляться в Мекку; как в нирване; święta krowa* ‘священная корова’; *zapaść w nirwanę* ‘впасть в нирвану’).

Безусловно, данные поля пересекаются, формируя диффузные зоны, что связано с частичной концептуальной общностью различных культов, а также со сложностью процесса их культурно-исторического освоения русским и поль-

ским этносами (ср.: *проливать кровь* / *przelewać krew* – в древних славянских, и не только, культах существовал обычай кровавых жертв богам (особенно детей-первенцев), позднее проливали несколько капель крови, закалывали животное, что отражено и в Библии). При сегментации учитывалась этимология ФЕ, а также грамматика, семантика, лексический состав внутренней формы ФЕ. Например, заимствованные (греческие, латинские, немецкие) номинации низших сил (*дьявол, сатана; diabel*) и общие с язычеством обозначения (*бес, черт / bies, czort*) фиксировались как христианские, если во внутренней форме ФЕ не было маркеров языческого осмысления ситуации: деление языческих темных сил по «ранжиру», их обитание в специальном сакральном пространстве – лес, болото, омут, кузня, баня, перепутье (*у черта на куличках*); форма императивного проклятия, традиционная в языческих заговорах (*черт поberi!*).

Структура основных ФП («Христианство», «Славянское язычество», «Античная мифология») во многом изоморфная: внутренняя форма ФЕ связана с номинацией сакральных сил и сакрального пространства, догматов и особенностей культа, хотя в каждом поле на базе этих тематических областей формируются специфические фразеосемантические группы.

Так, в ФП «Христианство» представлены такие группы (табл. 2):

Фразеосемантические группы	Кол-во ФЕ	
	Русский язык	Польский язык
Христианские сакральные силы	285 ФЕ (45,09%)	377 ФЕ (53,02%)
Христианские догматы	32 ФЕ (4,51%)	52 ФЕ (7,31%)
Сакральные тексты	265 ФЕ (41,93%)	204 ФЕ (28,69%)
Христианство как культ	50 ФЕ (7,91%)	78 ФЕ (10,97%)

В обоих языках регулярнее всего ФЕ включают номинации христианских сакральных сил (и связанного с ними пространства): (а) Божественных сил и духа / души как средоточия Божественного начала в человеке (*бог миловал; тихий ангел пролетел; испустить дух – wola Boża; anioł nie kobieta* [ангел, а не девушка]¹; *stać jak kat nad dobrą duszą* [стоять как палач над доброй душой]); (б) низших (темных) сил (*дьявольское отродье / potiot diabelski*); (3) места обитания сакральных сил, Божественного духа, а также человека как части сакрального мира (*с милым рай и в шалаше; пройти все круги ада; заглянуть в душу; упасть с неба на землю – mieć rajskie życie* [иметь райскую жизнь] *niech go piekło pochłonie!* [пусть его ад (пекло) поглотит]; *na dnie duszy* [на дне души]; *powrócić na ziemię* ‘вернуться на землю’).

Группа «Христианские догматы» значительно меньше (особенно в русском языке) и содержит номинации догматов и священных текстов, указаний на соблюдение или несоблюдение этих догматов (с преобладанием последнего) (*десять заповедей / dziesięcioro przykazań; скрижали Завета / Święte tablice; жить анахоретом / żyć jak pustelnik; служить Мамоне / służyć Mamonie*). Это же свойственно и группе «Христианство как культ», где во внутренней форме ФЕ фиксируются культовые институты и их служители, ритуалы и используе-

¹ В квадратных скобках дается дословный перевод польских ФЕ.

мые в них артефакты, а также факты из истории церкви (в основном католической) (*серый кардинал / szara eminencja; предавать анафеме / rzucić klątwę; пойти крестовым походом / ogłosić krucjatę*). Напротив, очень многочисленной (особенно в русском языке) является группа «Сакральные тексты», где содержится указание на героев, ситуации из Ветхого и Нового Завета, а также цитаты из них (*со времен Адама и Евы / od Adama i Ewy; крестный путь / cierniowa droga; альфа и омега / alfa i omega*).

Поскольку христианство является господствующей религией для обоих этносов, в составе идиоматики обнаруживается много однотипных и параллельных ФЕ. Языковая специфика проявляется в большей / меньшей регулярности отдельных групп, конкретных образов и ситуаций. В русской идиоматике более активно (по сравнению с польской) используются прямые цитаты из Библии (возможно, это связано с тем, что язык богослужения (церковнославянский) генетически родственен современному русскому, тогда как в польском католичестве – это латынь); ФЕ, формируемые на основе сюжетов и образов из Ветхого Завета; ФЕ с лексемами *Христос, черт*. В польской идиоматике, напротив, значительно разнообразнее ФЕ, связанные с теологией (толкованием вероучения), с католицизмом, а также с историческими реалиями из жизни польского этноса и католического мира в целом; с указанием на соблюдение христианских догматов; с лексемами *anioł* ‘ангел’, *diabeł* ‘дьявол’ (ср.: *Христа славить; Христос с тобой; Как у Христа за пазухой; дорого яичко к Христову дню – uciekać jak diabeł od święconej wody* [убегать как дьявол от святой воды]; *ta diabła za pazuchą* [имеет дьявола за пазухой]; *do diabła i trochę* [до дьявола и еще немного]).

Второе по численности ФП «Славянское язычество», составляющее околядерную зону в сакральном макрополе, преимущественно базируется на древней славянской языческой мифологии, хотя спорадически связано с более поздними суевериями, культовыми действиями и др., как славянскими, так и заимствованными из западноевропейских культур и прецедентных текстов, например, из сказок (ср.: *гадать на кофейной гуще / wróżyć z fusów od kawy; точно по мановению волшебной палочки / różdżka (laska) magiczna*).

Структура и состав ФП «Славянское язычество» в русской и польской идиоматике имеет общие и специфические черты (табл. 3):

Фразеосемантические группы	Кол-во ФЕ	
	Русский язык	Польский язык
Языческие сакральные силы	147 ФЕ (68,37%)	112 ФЕ (51,38%)
Языческое сакральное пространство	25 ФЕ (11,63%)	47 ФЕ (21,56%)
Языческий фатум	13 ФЕ (6,05%)	24 ФЕ (11,01%)
Магическое воздействие на человека	23 ФЕ (10,7%)	19 ФЕ (8,71%)
Язычество как культ	7 ФЕ (3,25%)	16 ФЕ (7,34%)

Несмотря на единство структуры русского и польского поля, частотность использования отдельных групп, конкретных сакральных феноменов как ис-

точника идиоматизации может быть различной, отражая этнические приоритеты, хотя эти различия не имеют принципиального характера.

Так, в русской группе «Языческие сакральные силы» несколько более активно, чем в польской, используются образы сакральных природных стихий (огня, воды), антропоморфных и зооморфных богов и духов (включая персонафицированный образ смерти); указывается на взаимодействие человека с этими силами – обращение за помощью, «Божий суд» (испытание с помощью сакральных воды и огня) (*живая вода*; *Лады у воды* (по имени славянской богини, покровительницы брака); *перебежать дорогу* (черт может обернуться черной кошкой, зайцем и, перебежав дорогу, навредить человеку); *ну тебя к ляду* (по имени одного из видов нечистой силы); *готов в огонь и в воду*– *pałac świętym ogniem* [пылать священным огнем]; *być złym duchem* [быть злым духом]; *pioruni jacy wzrok* [испепеляющий взгляд] (по имени бога-громовержца); *próba ognia i wody* [испытание огнем и водой]).

В польском языке более многочисленными являются группы: «Языческое сакральное пространство» (древнейшее представление о мироздании: плоская земля, стоящая на основе и окруженная непроницаемым небесным сводом; сакральное противопоставление неба – земной поверхности – подземного мира / глуши, леса, водоемов; этого и потустороннего миров; опасного открытого и безопасного, замкнутого в круг пространства); «Языческий фатум» (предопределенность судьбы человека, записанной в книге жизни и прочитываемой по специальным знакам, например, по руке, при гадании); «Язычество как культ» (номинации элементов культовых сооружений, обрядов) (*на краю земли*; *в тихом омуте черти водятся*; *не от мира сего*; *на роду написано*; *идолице поганое* – *nie zrobisz dziura w niebie* [не сделается дыры в небе]; *odejść w zaświaty* [отойти в потусторонний мир]; *zaklęty krąg* [заклятый круг]; *jak na dłoni* [как на ладони]; *składać ofiarę* [приносить жертву]).

ФП «Славянское язычество» не столь четко структурировано, как ФП «Христианство», и образует обширные диффузные зоны с другими полями.

ФП «Античная мифология» формируется преимущественно в Новое время в связи распространением в русской и польской культурах западноевропейской культурной традиции, включающей интерес к античной философии и искусству. Именно это обуславливает однотипность устройства поля в русской и польской идиоматике (табл. 4):

Фразеосемантические группы	Кол-во ФЕ	
	Русский язык	Польский язык
Античные боги	64 ФЕ (39,02%)	64 ФЕ (41,03%)
Мифологические зоонимы, зоантропонимы	24 ФЕ (14,63%)	24 ФЕ (15,38%)
Античные герои	45 ФЕ (27,44%)	33 ФЕ (21,15%)
Античное мироздание	21 ФЕ (12,8%)	23 ФЕ (14,74%)
Античные культы	10 ФЕ (6,1%)	12 ФЕ (7,7%)

Ориентация на заимствованную культурную традицию обуславливает использование в идиоматике не всей системы, а лишь отдельных мифологиче-

ских образов, что отражает общие и этнически специфичные особенности освоения античного культурного наследия.

Так, в наиболее многочисленной в обоих языках группе «Античные боги» почти нет указаний на важнейших богов античного пантеона (Зевса, Афины, Геру и др.), зато регулярно фиксируются прямые и косвенные (через синекдоху, метонимию, перифразы) номинации богов, связанных с любовью, браком, судьбой, случаем, правосудием, творчеством (*жрица Венеры; узы Гименя; слепой рок; храм Фемиды; лавровый венок* (дерево Аполлона) – *lary i penaty* (покровители семьи и домашнего очага); *miecz sprawiedliwości* [меч правосудия]; *dary Fortuny* [дары Фортуны]; *dziesiąta muza* [десятая муза]. Аналогичные явления обнаруживаются в составе других групп: «Мифологические зоонимы, зооантропомонимы», «Античные герои», «Античное мироздание» и «Античные культы», где востребованными оказываются, во-первых, мифологические образы, которые активно используются в западноевропейской, русской и польской культуре (литература и искусство, кинофильмы и мультфильмы), причем внутренняя форма ФЕ может содержать прямые номинации феноменов, а также типичные для них атрибуты, мифологические сюжеты (*Геркулесов труд/ praca Herkulesowa; Авгиевы конюшни / stajnia Augiasza; Ахиллесова пята/ pięta Achillesa; троянский конь/ koń trojański; оседлать Пегаса / dosiać Pegaza; Млечный Путь / Droga Mleczna; елисейские поля/ pola elizejskie; верить в свою звезду / wierzyć w swoją gwiazdę; приоткрыть завесу тайны/ odsłonić rąbek tajemnicy* (прикрытую фигуру богини Изиды никто не смел снять); *петь дифирамбы / śpiewać dytyramby*). Иногда один мифологический сюжет становится источником целого комплекса ФЕ (ср. миф о позавидовавшем царскому сану вельможе Дамокле, которого царь Дионисий во время пира посадил на свой трон – с висящим над головой на конском волосе мечом, готовым сорваться в любую минуту: *Дамоклов меч; висеть как Дамоклов меч; под дамокловым мечом; висеть (держаться) на волоске; быть на волосок (от войны, опасности) – miecz Damoklesa; miecz Damoklesa wisi nad głową; wisi jak miecz Damoklesa nad głową; trzymać się na włosku; wisieć na włosku; woj na wisi na włosku; życie wisi na włosku*).

Этническая специфика проявляется не в принципах формирования поля, а в выборе отдельных мифологических феноменов, лексем. Так, в русской идиоматике более активно используются образы античных богов (особенно вина и веселья), героев, культовых сооружений и ритуалов: *быть под Бахусом; поклоняться Бахусу (Вакху); поклонник Бахуса (Вакха); возлияния Вакху; улыбка авгуров* (авгур – древнегреческий жрец); *афинские вечера* (празднества в честь Деметры и Дионисия в Афинах часто принимали характер оргий). В польской идиоматике самыми востребованными оказываются боги любви (*jest trafiony strzałą Amora* [поражен стрелой Амура]; *luk Amora* [лук Амура]; *wdać się w amory* [вступить в амуры]; *wybić amory z głowy* [выбить амура из головы]); более последовательно выражено представление о жизни человека и Космоса как о едином целом (*jego gwiazda gaśnie* [его звезда гаснет]; *typ spod ciemnej gwiazdy* [тип из-под темной звезды]; *szczęśliwa gwiazda przyświeca* [счастливая звезда ведет]; *przyjść na świat pod gwiazdą* [прийти на свет под звездой]). В рус-

ских ФЕ более распространены греческие наименования богов и героев (Геркулес, Купидон); в польских – римских (Геркулес, Амур). В польской идиоматике античные образы регулярно обыгрываются при обозначении современных реалий (*jedenasta muza* [одиннадцатая муза (телевидение)]; *muza podkasana* [фривольная муза]).

Таким образом, общим для русской и польской идиоматики и, соответственно, картины мира является преимущественная ориентация на христианскую сакральную систему, достаточно последовательно отраженную в ФЕ. Другие мифологические и религиозные феномены в идиоматике таких полноценных систем не формируют.

В главе 3 «Принципы концептуализации сакральных представлений в семантике русских и польских фразеологизмов» дается характеристика значений исследуемых ФЕ и основных способов формирования этих значений. В частности, отмечается, что члены СФМ способны выражать весь семантический спектр лексических систем. Данные значения преимущественно экспрессивно-оценочные, что обуславливает частотность дискурсивно-стилистических ограничений в употреблении ФЕ: многие из них являются книжными, устаревшими или разговорными, просторечными. Кроме того, представленность ФЕ в различных семантических сферах русского и польского языков далеко не одинакова (табл. 5):

Семантические сферы	Кол-во ФЕ	
	Русский язык	Польский язык
Предметный мир	69 ФЕ (6,76% ²)	73 ФЕ (6,7%)
Человек	986 ФЕ (96,57%)	1053 ФЕ (96,69%)
Абстрактные понятия	89 ФЕ (8,72%)	84 ФЕ (8,63%)

Так, наименее последовательно члены макрополя пополняют сферу «Предметный мир», где небольшие группы ФЕ включаются в такие СП, как: (1) «Пространство» (*лабиринт улиц / labirynt ulic; у черта на куличках/ gdzie diabeł mówi dobranoc* [где дьявол говорит «доброй ночи»]); (2) «Явления неживой природы» (*разверзлись хляби небесные / otworzyły się upusty niebieskie* ‘проливной дождь’); (3) «Флора» (*ведьмины метлы* ‘пучки тонких ветвей с недоразвитыми листьями’; *szatański grzyb* ‘сатанинский гриб’); (4) «Фауна» (*божья коровка / boża krówka; райские птицы / rajskie ptaki*); (5) «Артефакты» (*адская машина / maszyna piekielna* ‘разрывной снаряд с часовым механизмом’; *чертово колесо/ diabelski młyn* [дьявольская мельница]).

Ни одна из этих фразеологических групп не формирует собственной структуры, но принципы мотивации семантики ФЕ достаточно однотипны: (1) номинативно-образная метафора на базе подобия денотативных характеристик реального и сакрального объектов (ср.: *адамова голова*–корни растения напоминают фигуру человека; *anielskie włosy* ‘елочный дождь’ – на иконах у ангелов

² Поскольку многие из ФЕ являются многозначными, а их отдельные ЛСВ включаются в разные семантические сферы и поля, то общий процент ФЕ здесь и далее оказывается более 100%.

длинные волосы золотистого и серебряного цвета); (2) ситуативное, функциональное подобие сакральных и реальных объектов, явлений с экспрессивным подчеркиванием исключительности последних (*всемирный потоп* ‘о проливном дожде, наводнении’; *ogień leci z nieba* ‘невыносимый зной’ [огонь летит с неба]; *летучий голландец / latający Holender* ‘быстроходная яхта’); (3) оценка предметных реалий на базе позитивного / негативного отношения к Божественным (высшим, светлым) / низшим (темным) сакральным феноменам (*райские птицы / rajskie ptaki* – очень красивые; *szatański grzyb* [сатанинский гриб] – вредный для человека; *содомово (чертово) яблоко* – в народном названии картофеля отражено первоначальное восприятие заморского овоща как опасного и греховного).

Безусловно, семантика многих ФЕ базируется на комплексе концептуально осмысленных признаков, отраженных во внутренней форме (*бесовская свадьба* ‘о снежной метели’) помимо оценочной связи плохих погодных условий с происками темных сил, есть и кинетическое подобие свадебных плясок и снежного вихря; в диффузных номинациях стихийных бедствий как проявления гнева Божьего: *гнев небесный; anioł burzy; skara nieboskie* – за счет сакрального осмысления ситуации подчеркивается масштаб явления, а также актуализируются признаки «виновности» человека, его неспособности противостоять стихии и необходимости смириться с ней).

В целом семантика членов сферы «Предметный мир» отмечена антропоцентризмом: большинство именуемых объектов так или иначе связано с человеком и / или прагматически оценивается с позиции человека («полезно, безопасно / вредно, опасно», «нравится/не нравится» и др.).

Антропоцентризм СФМ наиболее ярко проявляется в том, что семантическая сфера «**Человек**» занимает в макрополе ведущее положение (более 96% единиц) – с особым вниманием к экспрессивной характеристике личностных аспектов человеческого бытия (табл. 6):

Семантические поля и группы	Кол-во ФЕ	
	Русский язык	Польский язык
Обобщенная характеристика человека	9 ФЕ (0,91%)	12 ФЕ (1,14%)
Человек как биоорганизм	192 ФЕ (19,47%)	209 ФЕ (19,85%)
Интеллект, познание и творчество	94 ФЕ (9,53%)	87 ФЕ (8,26%)
Эмоциональная сфера	181 ФЕ (18,36%)	204 ФЕ (19,37%)
Характер и поведение	249 ФЕ (25,25%)	250 (23,74%)
Человек и социум	78 ФЕ (7,92%)	93 ФЕ (8,84%)
Жизнь в событийно-временном аспекте	183 ФЕ (18,56%)	198 ФЕ (18,8%)

Концептуально значима тематическая группа «**Обобщенная характеристика человека**», члены которой указывают, с одной стороны, на связь человека с сакральными силами, а с другой – на противопоставление им слабого, смертного человека (*adamowe plemię* ‘род человеческий’ [Адамово племя]; *сосуд скудельный* [славянизм *скудельный* – «слабый, хрупкий»] / *naczynie tarne* [сосуд скверный, пустой] ‘о человеке (со всеми его слабостями, душевными и физическими)’ – выражение из Евангелия).

В СП «Человек как биоорганизм» (около 20% единиц сферы) представлены группы: «Части тела» (*адамово яблоко / adamowe jabłko* ‘кадык’); «Внешние и основные физиологически признаки» (*кикимора болотная* ‘о некрасивой, неопрятно одетой женщине’; *herkulesowa siła*); «Возраст» (*стар как Мафусаил / Matuzalowe lata*); «Физическое состояние» (*воскрешение святого Лазаря* ‘выздоровление после тяжелой болезни’; *leżeć bez duszy* ‘лежать без сознания [без души]’); «Удовлетворение физиологических потребностей (в пище, сне, сексе)» (*вкушать от пищи святого Антония* ‘голодать’; *czuć wolę Bożą* ‘чувствовать половое влечение [Божью волю]’); «Динамика и статика» (мимика, жесты; положение в пространстве, движение) (*sfinksowy wyraz twarzy* ‘непроницаемое [сфинксовое] выражение лица’; *как громом пораженный / stanął jak gromem rażony* ‘о замершем от изумления человеке’); «Перцептивная и сенсорная система» (*тихий ангел пролетел* ‘о внезапно наступившей тишине’; *nabożna cisza* ‘благоговейная тишина’); «Конкретные физические действия» (*расчищать Авгиевы конюшни / wyczyścić stajnia Augiasza*).

Но все группы обычно немногочисленны и достаточно диффузны: в семантике ФЕ могут совмещаться несколько физиологических признаков (например, пол, возраст, внешний вид и физическое состояние: *баба-Яга костяная нога* ‘о злой и безобразной старой женщине’; *dziadek kościany* ‘кощей (о дряхлом и худом старике)’), а также физиологические и эмоциональные, интеллектуальные, характерологические признаки человека (*взгляд Медузы* ‘тяжелый, ненавидящий взгляд злобного человека’; *превратиться в соляной столп / stać jak słup soli* ‘окаменеть от ужаса’).

Как и в сфере «Предметный мир», развитие значения ФЕ может опираться на подобие денотативных (визуальных, акустических) характеристик культовых феноменов и физиологии человека (*лук Амора* ‘лук Амура (об очертании губ)’; *иерихонская труба / trąba jerychońska* ‘громкий голос’ – в Библии разрушить стены Иерихона евреям помог звук священных труб). Частотно формирование значений на базе метонимической, функциональной связи с сакральными феноменами (например, с мифическими богами и существами: *в объятиях Морфея / na łonie Morfeusza*; *глядеть букой* – по имени лесного демона, которым пугали детей; *marsowa mina* ‘грозное (марсово) выражение лица’), а также оценочного противопоставления высших и низших сакральных сил (*божественный вкус / Boski smak*). Но в СП «Человек как биоорганизм» уже возможны и системные концептуальные мотивации, связанные с сущностными характеристиками сакральных систем.

Так, в многочисленной в обоих языках подгруппе «Смерть человека» преобладают христианские и общеславянские представления о смерти как о расставании души с телом и ее воссоединении с Богом, как о переходе в мир иной и воссоединении с праотцами, как о взаимодействии с персонифицированной сакральной Смертью (ср.: *отдать Богу душу / bogu duszę oddać*; *отправить на тот свет / wyprowadzić na tamten świat*; *отправиться к праотцам / przejechać się na łono Abrahama*; *играть со смертью / igrzać ze śmiercią*). За однотипными феноменами разных культов может закрепляться разная оценочная характеристика (ср.: при уподоблении античными божествам женская красота

оценивается позитивно; при уподоблении христианским образам – негативно: подчеркивается греховность, опасность такого очарования).

Из личностных характеристик человека состав СП «Интеллект, познание и творчество» не самый многочисленный (около 10% единиц сферы «Человек»), а семантика ФЕ достаточно фрагментарно отражает возможный спектр значений: способность к интеллектуальной и творческой деятельности; сами мыслительные и творческие процессы; характер информации и возможности ее осмысления (*Валаамова ослица* / *oślica Baala* ‘глупая, упрямая женщина’; *kaganieso światu* ‘светило науки’; *za семью печатями* ‘об абсолютно недоступном пониманию’; *odstłonić rąbek tajemnicy* ‘приоткрыть завесу тайны’; *питомец Феба* ‘о поэтах и художниках’). Семантическая однотипность русских и польских ФЕ из данного поля поддерживается однотипностью сакральной мотивации таких значений.

Так, сквозным является представление об интеллектуальной и творческой деятельности, о постижении истины как о процессах, инспирированных сакральными силами и невозможных без них, что может приводить к дискретности в восприятии личности, когда творчество и интеллект существуют независимо от человека (*божественный огонь, искра божия; божьей милостью; от Бога дано* / *iskra Boża; ta w sobie iskře Bożą; dar boży* ‘о настоящем таланте’; *вкушать от древа познания добра и зла* / *drzewo wiadomości dobrego i złego* ‘о приобретении знаний’; *богом обиженный; бог убил; олух царя небесного* ‘о глуповатом человеке’ / *boże ciele* ‘беспомощный, недалекий человек’ [божий теленок]).

Отчасти это присуще античной модели, где творческая деятельность регулярно ассоциируется с покровителями искусства – Аполлоном (Фебом), чей главный храм был в Дельфах, и музами: на горах Геликон и Парнас в источниках, один из которых (Кастальский) наделен вдохновляющей силой самим Аполлоном, а другой, появившийся от удара копыта Пегаса, крылатого коня Аполлона, – музами (*взлететь на Геликон; взойти на Парнас; ездить на Пегасе; оседлать Пегаса (парнасского коня); сесть на любимого конька; избранник Феба; кастальские воды* – *dosiaść (wsiaść na) Pegaza* [сесть (оседлать) Пегаса]; *należać do Parnasu* [принадлежать к Парнасу]; *wyroczenia delficka* [Дельфийский оракул (пророчество)]; *dosiaść (wsiaść na) swego konika* [оседлать (сесть на) своего конька]).

Сакральная мотивация семантики ФЕ может поддерживаться возможностью объективного осмысления ситуации, языковыми моделями метафоризации: *приоткрыть завесу тайны/ odstłonić rąbek tajemnicy; всевидящее око/ baczne oko* (мифологический сюжет о снятии покрыва со статуи Изиды, христианский символ «промысла Божьего» и универсальное представление о зрении как об источнике получения информации); *вилами по воде писано / to jest widłami na (po) wodzie pisane* (в заговорах-оберегах на воде чертили ножом, вилами, косой (символами Перуна) крест, но значение ‘о сомнительном, не заслуживающем доверия’ поддерживается объективной невозможностью деформировать поверхность воды с помощью острого предмета).

Аналогичные явления присущи членам значительно более многочисленного (около 20% единиц) СП «**Эмоциональная сфера**», где половина ФЕ представляет собой эмоциональные коммуникативы междометного типа (*ax ty czert!*; *boże prawe dny!*; *co u diaska!* ‘что за черт!’; *wszelki duch Pana Boga chwali!* ‘свят, свят!’ [всякий дух Господа Бога хвалит]), а остальные формируют компактные группы: «Отрицательные эмоции» (*poniknąć duchem*; *nudzić się jak diabeł na pokucie* ‘умирать со скуки’ [скучать как дьявол на покаянии]); «Положительные эмоции» (*na siódmym niebie*; *odebrać ducha* ‘приободриться’); «Обобщенная характеристика эмоционального состояния» (*chwycić za duszę / chwycić za duszę*).

Как и в других СП, семантика ФЕ может формироваться на основе метонимической (включая синекдоху) и метафорической связи с именами языческих, античных сакральных сил, их отличительными атрибутами и признаками: *metać gromy i błyskawice (peruny) / ciskać gromy; gromy spadają na głowę* ‘неистовствовать’ (языческий Перун в гневе метал с облаков грома и молнии); *амурные дела; стрела Купидона / jest trafiony (ugodzony) strzałą Amora; na amory się zebrali* ‘о любви’ (античный Амур (Купидон) стрелами любви поражает человека). Частотна характеристика эмоций на базе общего оценочного противопоставления высших и низших сакральных сил (*как в раю / jak w raj; ад крошечный / istne piekło*). Последовательно во внутреннюю форму включаются прямые номинации эмоций (*олимпийское спокойствие; zapaść w nirwanę*). Кроме того, обнаруживаются сквозные сакральные модели эмоций, часто поддерживаемые общеязыковыми метонимическими и метафорическими моделями.

Так, регулярно в основе формирования семантики ФЕ лежит представление о духе / душе как о средоточии божественной (неотделимой от эмоциональной) энергии в человеке, существование которой, однако, протекает независимо от самой личности. Чувства и положение духа / души в пространстве соответствуют определенному эмоциональному состоянию личности. Но большую роль здесь играет универсальная символика «верха – низа», «статики – динамики», «положения внутри – снаружи», «тяжести – легкости», «жара – холода», «свободы – несвободы» и др. (*душа поет / dusza ruśnie; перевернуть душу; камень с души свалился; воспрянуть / поникнуть духом; хватать за душу – dusza poszła w piętę* ‘душа ушла в пятки’; *dusza zamiera* ‘душа замирает’; *lecco (ciężko) na duszy* ‘легко (тяжело) на душе’; *rozprężenie duchowe* ‘упадок духа’; *tracić ducha* ‘падать духом’ [терять дух]).

Наконец, очень регулярно в данном СП в основе мотивации значений ФЕ лежит представление о сакральной коммуникации (молитвы, заговоры, обращение за помощью и др.). Именно такие ФЕ могут десемантизироваться, используя в близкой к междометной функции (Слава богу! / *Bogu dzięki!* [Богу спасибо]; как бог свят / *jak amen w pacierzu* [как аминь в молитве]). Характерно, что при десемантизации противопоставление высших / низших сакральных сил может утрачиваться (*бог / черт знает что такое! / co u licha!* [что за лихо]; *co u Boga Ojca!* [что у Бога Отца]).

Русские и польские ФЕ обнаруживают единство в принципах формирования эмоциональных значений. В то же время семантика таких ФЕ, построенных

на базе общих моделей, может быть разной, а иногда – и антонимической. Например, русский ФЕ *света Божьего невзвидеть* указывает на большое горе, а польский ФЕ *świata Bożego nie widzieć* – ‘быть без ума от кого-л.’ (от горя / счастья темнеет в глазах); в польских ФЕ *ta duszę na ramieniu* ‘душа ушла в пятки’ [душа – на плечах]; *z duszą na ramieniu* ‘умирая от страха’ [с душой на плечах] страх ассоциируется с изменением положения души, но в русском языке плечи ассоциируются с головой как средоточием рационального начала (ср. у *кого-либо голова на плечах*).

СП «Характер и поведение», самое многочисленное в обоих языках (25% единиц сферы «Человек»), имеет ряд специфических особенностей: (1) данное СП наиболее тесно связано (формируя обширные диффузные зоны) с другими СП из сферы «Человек», что отражает целостное восприятие личности во всех ее основных ипостасях; (2) подобная диффузность присуща и внутренней структуре СП: семантика большинства ФЕ экспрессивно оценивает комплекс личностных признаков (*uscaďnie ada/ diabeł wcielony* ‘о жестоком, коварном, скверном человеке’), причем идеологический и нравственно-этический аспекты подобной оценки являются ведущими; (3) одно и то же качество личности может получать диаметрально противоположную оценку (иногда в одной и той же ФЕ) в зависимости от характера его проявления (*agnец непорочный / łagodny jak baranek* (книжн. или ирон.) ‘кроткий, незлобивый, простодушно покорный человек’).

Показательна статистика и семантика исследуемых ФЕ в различных тематических группах. Около 70% единиц СП характеризует отрицательные личностные качества, тогда как положительные свойства личности – лишь 20% ФЕ (*человек большой души* ‘о человеке высоких моральных качеств – благородном, нравственном, чутком’; *miłosierdny Samarytanin* ‘добрый самаритянин: о человеке, всегда готовом помочь ближнему’; *izwerg рода человеческого* ‘о жестоком, коварном человеке’; *nie mieć Boga w sercu* ‘о бессовестном человеке’ [не иметь Бога в сердце]). Остальные тематические зоны (личностные характеристики, не связанные с идеологией, моралью и этикой; изменение жизненных установок и др.) представлены единичным ФЕ и во многом диффузно (*вертеться как бес перед заутренней / latający Holender* [летучий голландец] ‘о непоседе’ *совлекать с себя ветхого Адама* ‘духовно обновляться’; *szynić rękę* ‘раскаиваться’). Именуемые личностные свойства могут восприниматься с разных позиций (но преобладает система христианских догматов), что делает возможной амбивалентную оценку одного и того же качества (ср. о покорном и очень терпеливом человеке: *agnец божий / cichy jak baranek* [тихий как агнец]; *божья коровка / Boża krówka*).

Среди регулярных способов мотивации семантики ФЕ преобладают те, что были присущи и другим СП, например: оценочная оппозиция высших и низших сакральных сил (*ангельское терпение; diabelska rycha* ‘дьявольская гордость’); метафорическое и метонимическое уподобление качеств людей символически осмысленным характеристикам библейских и мифологических героев (ср. корыстолюбие и подлость Иуды: *поцелуй Иуды / pocałunek Judasza; Judaszowski pocałunek; Иудины сребреники/ Judaszowe srebrniki*). Как и в СП

«Эмоциональная сфера», частотно осмысление личностных качеств и поведения человека сквозь призму операций с душой (*открыть душу / odkryć duszę; продать душу дьяволу / oddać duszę diabłu; лезть в душу; ma rogatą duszę* [иметь рогатую душу]).

Подобные свойства присущи небольшому и достаточно диффузному СП «**Человек и социум**» (*Гог и Магог* ‘о всемогущем правителе’; *жрецы Мельпомены* ‘об актерах’; *anioł stróż* ‘надзиратель, конвоир’ [ангел-хранитель]; *śługa Temidy* ‘служитель Фемиды’; *badacz Pisma świętego* ‘баптист’ [исследователь Святого Писания]). Сквозных моделей концептуального осмысления этой части семантического пространства в рамках исследуемого макрополя не формируется.

Напротив, стремлением оформить такие модели отмечено СП «**Жизнь в событийно-временном аспекте**» (около 20% единиц сферы «Человек»), в составе которого выделяются группы: «Обобщенная характеристика судьбы *слепой рок / zły los* [злой рок]; *жизненное море/ocean życia*; «Жизненный успех» и «Отсутствие жизненного успеха» (*как у Христа за пазухой / czuć się jak u Pana Boga za piersią; хождение по мукам / droga przez mękę*); «Жизненный опыт и жизненная позиция» (*крещение огнем / chrzest bojowy*). К ним примыкает группа «Государство (этнос) в событийно-временном аспекте», где аналогичная характеристика дается государству и этносу (не случайно одна и та же лексема может относиться как к личности, так и к этносу: *wiek Астры* – 1) ‘о счастливой, радостной поре; 2) ‘о расцвете искусства, науки, о подъеме в истории какого-либо народа’).

Формирование семантики членов поля проходит по моделям, отмеченным в других СП: (1) метонимическая, функциональная и метафорическая связь с сакральными феноменами, их атрибутами и признаками, а также с сакральными ситуациями и текстами (ср.: *колесо Фортуны / koło fortuny* – римская богиня судьбы изображалась стоящей на крылатом колесе и держащей руль; *судный день / dzień sądu ostatecznego; труба Архангела; czterech jeźdźców Apokalipsy* [четыре всадника Апокалипсиса] – Страшный суд; (2) позитивная / негативная оценка ситуации на основе противопоставления высших и низших сакральных сил (и мест их обитания) (*райская жизнь / mieć rajskie życie; все круги ада / piekło dantejskie*). Особую роль в данном СП играет сопоставление человеческих несчастий со страстями Христа (*идти на Голгофу; терновый венец / korona męczeńska; мѣка Паńska* [мука Господня]).

Характерная особенность данного СП – достаточно целостное осмысление жизни, причем эта модель во многом определяет концептуализацию сферы «Человек» в целом. Ведущим представлением становится фатализм: судьбу (чаще несчастливую) предопределяет Бог, боги судьбы, звезды (*юдоля слез / dolina łez; неисповедимы пути Господни; palec boży* ‘рок’ [палец божий]; *книга жизни; jego gwiazda gaśnie* [его звезда гаснет]). От неудач человека охраняют светлые сакральные силы (а иногда и темные, если с ними заключен союз), но эти же силы могут разрушить планы человека, причем несчастье от Бога – это возмездие за грехи, от темных сил – происки Зла или проявление слабости человека (*ангел-хранитель / anioł opiekuńczy; Божья десница / kara Boska; все к*

чертям пошло / *diabli wzięli; ma diabelskie szczęście* [имеет дьявольское счастье]). Человек должен занимать твердую жизненную позицию; ее проявление может быть активным и пассивным: одобряется принятие неудач как необходимых испытаний (*нести свой крест / dźwigać swój krzyż*), но приветствуется и противодействие фатуму, злым силам (*готов в огонь и воду; ухватить черта за хвост; nic z nieba nie spada* ‘ничего с неба не упадет’).

Наконец, семантическая сфера «**Абстрактные понятия**», как и сфера «Предметный мир», составляет периферию значений исследуемого макрополя (около 9% единиц), слабо структурирована, но принципы формирования этих значений те же, что и в других сферах. Более или менее регулярно ФЕ пополняют такие СП и группы, как «Время», причем большинство единиц имеет антропоцентрическую направленность (*со времен Адама и Евы / od Adama i Ewy*); «Ход бытия (развитие)» (*вдохнуть душу* ‘возродить что-л.’; *на ладан дышит / led wie duch się kołacze* ‘о скором крахе чего-л.’); «Связи и отношения» (*краеугольный камень / kamień oświaty* ‘основа, главная идея чего-л.’); «Градуальность» (*до черта / do diabła <i trochę>; как песку морского / jest tyle co piasku w morzu*).

Таким образом, исключительный антропоцентризм – яркая характеристика семантики СФМ в целом. Единство макрополя проявляется также в единстве наиболее регулярных способов мотивации значений ФЕ, а главное, в тенденции к формированию концептуальных моделей сакрального осмысления всего окружающего мира. Это не исключает возможности шуточной и ироничной интерпретации сакральных феноменов (без святотатства и глумления). Достаточно регулярно принцип такой интерпретации проявляется в замене сакральных номинаций бытовыми, часто сниженными; в представлении сакральных феноменов в нарочито грубых ситуациях, а также в обозначении с помощью таких феноменов – элементов быта, «телесного низа» (*Мирошук хватил* (от сакрального: *смерть забрала*); *пьяный как поп на Пасху; przenieść się do Abrahama na piwo* ‘умереть’ [перенестись к Аврааму на пиво]; *patrzeć na księżą oborę* ‘быть одной ногой в могиле’ [смотреть на коровник ксендза]; *złapać Pana Boga za nogi* ‘поймать удачу за хвост’ [схватить Господа Бога за ноги]; *arka Noego* ‘неуклюжая повозка’ [Ноев ковчег]).

В главе 4 «**Функционирование сакрального фразеосемантического макрополя в современном русском языке**» дается характеристика использования членов СФМ в российских газетных СМИ начала XXI века. Отмечается, что исследуемые ФЕ регулярно фиксируются в газетных текстах, что свидетельствует о значимости макрополя для современной ЯКМ, хотя относительная частотность (в процентном выражении) отдельных ФЕ и целых фразеосемантических полей в СМИ далеко не одинакова (табл. 7).

Фразеосемантические поля	Число употреблений					
	0	1-10	11-50	51-100	101-500	Более 500
1. Христианство	26,4%	30,84%	24,96%	7,63%	7,63%	0,79%
2. Язычество	35,18%	32,16%	21,61%	4,02%	6,53%	0,5
3. Античность	38,1%	26,18%	25%	2,98%	7,14%	0,6%

4. Другие религии:						
4.1. Буддизм	0	33,34%	33,33%	0	33,34%	0
4.2. Мусульманство	42,86%	42,86%	14,28%	0	0	0
Всего	30,12%	30,42%	24,25%	6,06%	8,45%	0,7%

Употребительность членов СФМ в СМИ соответствует языковой структуре макрополя. Наиболее востребованными оказываются члены ядерного ФП «Христианство» (около 74% единиц поля); второе место занимают члены околоядерного ФП «Славянское язычество» (более 65% единиц поля); третье – члены ближней периферии, ФП «Античность» (около 62% единиц поля). Использование членов дальней периферии («Другие религии») не показательно из-за малочисленности этой части СФМ. В целом частотность ФЕ в газетных масс-медиа зависит от характера внутренней формы, дискурсивно-стилистической маркированности и семантики ФЕ.

Так, в СМИ обычно не фиксируются ФЕ, внутренняя форма которых непонятна среднему носителю языка из-за недостаточного знакомства со славянской и античной мифологией, с христианскими догматами и сакральными текстами; ср.: *Лады у воды* ‘о заключении брачного союза’ (от имени славянской покровительницы брака); *Ормузд и Ариман* ‘добродетель и порок’ (имена греческих божеств света и тьмы); *счастлив как Енох* (праведника Еноха Бог забрал на небо). Напротив, достаточно частотными могут быть ФЕ, если в их внутреннюю форму входят номинации сакральных феноменов, известных по прецедентным для современного носителя языка текстам: книгам, фильмам, школьным учебникам, или если сакральный образ мыслится достаточно обобщенно, с опорой на вполне объективные (не сакральные) знания о мире (около 100 или более употреблений: *как в воду глядел*; *висеть на волоске*; *смертный грех*).

Как правило, препятствуют употреблению ФЕ ограничения дискурсивно-стилистического характера: не фиксируются многие книжные, устаревшие ФЕ, особенно с устаревшими компонентами и грамматическими формами (*темна вода во облацех*; *камни возопиют*; *в многоглаголении несть спасения*; *кимвал бряцающий*). Не употребляется в СМИ большинство ФЕ – историзмов и жаргонизмов (*своя своих не познаша* (карт.) ‘об игроке, по ошибке перекрывшем взятку партнера’; *антихристово клеймо* ‘медаль, выдаваемая за снятую бороду Петром I’). У разговорных и просторечных ФЕ такая тенденция проявляется в меньшей степени.

Однако, нельзя утверждать, что дискурсивно-стилистическая маркированность является абсолютным препятствием к употреблению исследуемых ФЕ. Так, книжные и даже устаревшие ФЕ регулярно используются того, чтобы экспрессивно подчеркнуть значимость и масштабность явления (*Страшную жертву принесла Россия на алтарь бога машин в 2006 году – 33 тысячи погибших в ДТП*. [П. Орлов. Иду на обгон. // Труд-7, 2007.01.30]; *Уставшие, озлобленные на всех и вся россияне будут искать повода излить свой гнев*. [Г. Сапожникова. Будут ли русские чтить коран и есть рис палочками? // КП, 2003.07.23]). Сниженные ФЕ регулярно используются для усиления экспрессии текста и прямой речи героев публикаций (*А если концепция рушится при слабо-*

сти лишь одного ее звена – на кой ляд нам такая концепция? [Серебряный звон – удача или разочарование? // КП, 2002.05.14]; – *Не надо думать, что все наши военные – олухи царя небесного.* [А. Никонов. ЦРУ и КГБ воевали за труп инопланетянина // КП, 2004.06.01]).

С семантической точки зрения, самыми востребованными оказываются ФЕ, экспрессивно характеризующие личность и социум в идеологическом и нравственно-этическом аспектах; ср. более 200 употреблений: *стереть с лица земли; не оставлять камня на камне; хождение по мукам; посыпать голову пеплом; Судный день (Но сейчас, когда мир катится в тартарары, ...«киногда лучше думать, чем жевать».* [Буш превратил саммит G8 в кабак // Новый регион 2, 2006.07.24]; *Русская культура всегда поднимала на щит идею спасения души, отрицание золотого тельца.* [Н. Головушина. Здесь 'русский дух'... // Труд -7, 2004.03.03]).

В каждом фразеосемантическом поле есть определенные закономерности в выборе ФЕ, в их семантическом и концептуальном осмыслении. Так, в ФП «Славянское язычество» фразеологизмы, характеризующие несчастья и лишения человека, регулярно фиксируются при описании социально-экономической, правовой ситуации в современной России и ее советском прошлом (*Мы и так за последние десятилетия хлебнули лиха.* [М. Андреев. «Горячие головы», шаг вперед! // Труд-7, 2001.11.14]; *И из огня да в полымя: в пекло Великой Отечественной.* [Л. Репин. Под прицелом кинорепортера // КП, 2006.11.20]). ФЕ, восходящие к языческим ритуалам, заветам и заговорам, активно используются для выражения сомнения и иронии по поводу успеха в решении социально-экономических и др. проблем (*Насколько эта политика будет эффективна, еще бабушка надвое сказала* [В. Голованов. Перебор с капитализмом // Труд-7, 2006.09.27]; *Многие гадают, кто будет преемником Владимира Путина. На чем лучше гадать? На гуце? На бобах? Вилами на воде?* [М. Кононенко. 'Профессия у меня такая – гут, а что?' // Труд-7, 2006.07.06]).

Концептуально значимым является высокая частотность в современных СМИ членов ФП «Античность», семантика которых связана с античным восприятием рока (случайностью, трагической неизбежностью). Такой фатализм противоречит провозглашаемой идее активности, нацеленности на борьбу (*Но колесо Фортуны повернулось в другую сторону: Татарстан не стал претендовать на то, чтобы стать одной из таких экономических зон.* [К. Шлыков. Монгорода Татарстана превратят в бизнес-инкубаторы // КП, 2011.03.22]; *Нам [россиянам] какая планида уготована?* [А. Ванденко. Америка приберегает Россию на десерт // КП, 2003.04.14]; *Ювелирное мастерство требуется от ЦБ, чтобы маневрировать между Сциллой и Харибдой.* [В. Головачев. Унижение доллара // Труд-7, 2004.10.12]).

При всем разнообразии функций, в которых используются в СМИ члены ФП «Христианство», можно выделить несколько ведущих концептуально значимых тенденций. Так, фразеологизмов, значение которых связано с такими нравственно-этическими нормами, как скромность, кротость, незлобивость, нравственное совершенствование, а также с ситуациями довольства, умиротво-

рения, в газетных текстах начала XXI в. значительно меньше, чем ФЕ с антонимическими значениями (агрессивность, озлобленность, конфликтность, неблагополучие). Базовым же для данного поля является экспрессивно-оценочное сопоставление современных и сакральных ситуаций.

С одной стороны, как и в других ФП, отсылка к сакральному контексту придает нынешним социально-экономическим, нравственно-этическим и др. проблемам вселенский масштаб и вневременной характер (*Казалось, разверзлись хляби небесные, которые грозили смыть все на свете. [Рио-де-Жанейро – великолепный город в бухте Атлантики // РИА Новости, 2004.11.21]; Этот год вообще особенный – отцу Александру исполнилось бы семьдесят, и пятнадцать лет, как он «принял мученический венец». [О. Бакушинская. Не болтать//КП, 2005.01.28]; Союзнические отношения в антигитлеровской коалиции в чем-то напоминали ангельскую причуду, если не сказать, поцелуи Иуды. [Война могла быть закончена в 1943 году // РИА Новости, 2005.03.15]). С другой стороны, подчеркивается (с иронией или сарказмом) несовершенство и (часто) ничтожество современного бытия (*Именно ему [руководителю администрации губернатора] поручено вырубить на скрижалях истории светлое время правления Петра Сумина со всеми вытекающими отсюда финансовыми последствиями. [Первый вице-премьер России работает на челябинских бизнесменов // Новый регион 2, 2006.03.13]; Именно на даче у Сацюка в ночь с 5 на 6 сентября 2004 года состоялась так называемая «тайная вечеря» при участии оппозиционного кандидата в президенты Виктора Ющенко. [На Украине составили ТОП-10 беглых преступников // Новый регион 2, 2007.12.26]; К ссоре надо подготовиться. Хорошая ссора – это песнь песней! Это подмостки Бродвея! [Л. Аскерова. Как поругаться, чтобы не расстаться // КП, 2004.12.10]). Ирония в таких контекстах направлена на современную ситуацию, тогда как сакральный текст сохраняет функцию «абсолютного авторитета».**

Тенденция к концептуально значимому употреблению членов СФМ в целом подтверждает вывод об актуальности исходной концептуальной структуры макрополя в языковом сознании современного русского этноса. Об этом свидетельствует также регулярное экспрессивно-оценочное обыгрывание внутренней формы ФЕ, их формальное и семантическое изменение в тексте (*С тех пор как в Лондоне БАБушка на двое сказала, т.е. Борис Абрамович сперва сообщил, что финансирует "Другую Россию", прошло известное время... [М. Соколов. 'Предчувствие катастрофы' // Известия, 2007.06.15]; Поручив С. Иванову расчистить авгиевы конюшни "оборонки", президент забыл дать ему вилы и оставил ключи от конюшен в руках человека, не заинтересованного в том, чтобы кто-то увидел, что находится внутри. [В. Шлыков. Авгиевы конюшни для Сергея Иванова // Известия, 2005.12.27]; Такой эксперимент был бы полезен "смотрящим" от государства, чтобы и у них открылись глаза на проблемы незрячих. [Л. Налбандян. С широко закрытыми глазами // Труд-7, 2007.10.16]).*

Однако в СМИ частотны такие ошибки в использовании исследуемых ФЕ, которые связаны с незнанием семантики, внутренней формы и дискурсивно-стилистической маркированности фразеологизмов: *Но те же кикиморы бо-*

лотные "портфели носят с книжками", а "в темном лесе Герман Гессе мечет бисер, сеет рожь!" [О. Рычкова. Осень. Листья. Стихи // Труд-7, 2006.09.20] (с помощью библеизма обыгрывается название культовой книги Г. Гессе «Игра в бисер», но ФЕ «метать бисер» ('объяснять что-либо тому, кто не может понять и по достоинству оценить это'), против воли автора публикации, подчеркивает бесполезность деятельности писателя, что не соответствует указанию на созидательную деятельность («сеет рожь»); кроме того, неудачно употребление славянского ФЕ *кикимора болотная*, который используют по отношению к некрасивым или нелюдимым женщинам); *У каждой команды есть свои скелеты в шкафу и проблемы с, так сказать, с левитовым коленом*. [В. Корнев. Новый сезон не за горами. // Новый регион 2, 2005.09.23] (трудно понять смысл контекста, учитывая значение ФЕ – 'духовное сословие'); *Иерихонской трубой среди ясного неба* можно считать обвинения в адрес власти. [И. Духов. Оппозиция объединяется // Новый регион-2. 2008.12.12] (неудачная контаминация двух членов СФМ (*гром среди ясного неба* и *иерихонская труба*), а ФЕ *иерихонская труба* 'громкий, трубный голос' спутали с ФЕ *труба Архангела* 'предзнаменование грядущей катастрофы'); *В его уголовном деле нет правовой подоплеки, и из него «совершенно откровенно торчат ослиные уши политического заказа»*. [Итоговый выпуск – Нижний Новгород // Новый регион 2, 2006.01.13] (незнание семантики античного ФЕ *ослиные уши* 'о глупом, болтливом человеке').

Таким образом, функционирование членов СФМ в речи свидетельствует не только об актуальности сложной концептуальной системы этой части русской идиоматики, но и о частичном разрушении той сакральной картины мира, что отражена в языковом СФМ.

В заключении обобщаются полученные результаты, подводятся итоги исследования, формулируются выводы.

Содержание диссертации отражено в следующих публикациях, в том числе в реферируемых изданиях, включенных в реестр ВАК:

1. Наумов, К. Д. **Функционирование идиом на базе славянских языческих представлений в русском политическом дискурсе** / К. Д. Наумов // *Политическая лингвистика*. Екатеринбург. 2012. Вып. 1 (39). С. 136-144.
2. Наумов, К. Д. **Славянское язычество как источник формирования русской и польской идиоматики** / К. Д. Наумов // *Известия Саратовского университета. Новая серия*. 2013. Т. 13 : Серия Филология. Журналистика, вып. 2. С. 10-13.
3. Наумов, К. Д. **Античная традиция как источник формирования русских фразеологизмов и их роль в современном политическом дискурсе** / К. Д. Наумов // *Политическая лингвистика*. Екатеринбург. 2013. Вып. 2 (44). С. 159-165.
4. Наумов, К. Д. **Идиомы и языковая картина мира (на материале польского языка)** / К. Д. Наумов // *Филологические этюды : сб. науч. ст. молодых ученых*. Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 2008. Вып. 11, ч. 3. С. 104-108.

5. Наумов, К.Д. Сакральные представления как источник русской и польской идиоматики / К. Д. Наумов // Язык и ментальность : сб. науч. ст. СПб. : СПбГУ, 2010. Вып. 5. С. 293-298.
6. Наумов, К. Д. Роль славянских языческих представлений в формировании русской и польской идиоматики / К. Д. Наумов // Филологические этюды : сб. науч. ст. молодых ученых. Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 2012. Вып. 15, кн. 2. С. 141-144.
7. Наумов, К. Д. Языковая игра в современных газетных СМИ (на материале фразеологических библеизмов) / К. Д. Наумов // Коммуникация. Мышление. Личность : материалы междунар. науч. конф. Саратов : Издат. центр «Наука», 2012. С. 266-269.
8. Наумов, К. Д. Фразеологизмы-библеизмы в современных СМИ / К. Д. Наумов // Наука, образование, культура : духовно-нравственные основы и пути развития : сб. науч. трудов : IX Межрегион. Пименовские чтения. Саратов : Изд-во Саратов. митрополии, 2012. С. 267-272.
9. Наумов, К. Д. Жизнь человека сквозь призму религиозных представлений (на материале русской и польской идиоматики) / К. Д. Наумов // Язык в меняющемся мире : межвуз. сб. ст. Киров : Изд-во ВятГГУ, 2013. С. 57-60.
10. Наумов, К. Д. Античная традиция как источник формирования русской и польской идиоматики / К. Д. Наумов // Филологические этюды : сб. науч. ст. молодых ученых. Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 2013. Вып. 16, кн. 2. С. 142-146.

Подписано к печати 19.11.2013 года. Формат 60x108 1/16.
Бумага офсетная. Гарнитура Таймс. Усл. печ. л. 1,75
Тираж 100 экз. Заказ № 271-Т

Отпечатано в типографии СГУ
Саратов, Большая Казачья 112-а
Тел. (8452) 27-33-85